

С.А. СЕЙИДЛИ*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ СИРИЙСКИХ ТУРКОМАН В РАМКЕ ПОСТИМПЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования политической субъектности этноконфессиональных меньшинств в ходе сирийского вооруженного конфликта последних лет. Автора интересует, почему в стране, где этноконфессиональная структура населения существенно не изменялась в течение десятилетий, внезапно произошла интенсивная политизация общинных идентичностей. Тестируется гипотеза о том, что это произошло в результате длительного процесса ослабления государственной состоятельности и в территориальном, и в функциональном аспектах. В качестве кейса для исследования выбрано сообщество сирийских туркоман, третьей по численности этнокультурной группы Сирии. Основанием для выбора стало не только малое количество работ по этой теме, но и самоидентификация группы как части тюркского (османского) мира. В качестве аналитического инструмента использован «треугольник Брубейкера», который предполагает анализ национализма таких меньшинств во взаимосвязи с политической «национализующего государства» и «внешней родины».

Исследование включает в себя анализ (а) системы регулирования социокультурного плюрализма в Османской империи, (б) особенностей создания современного сирийского государства и (в) процесса политизации туркоманского сообщества в ходе гражданского конфликта. Сделан вывод, что на формирование его политической субъектности оказали влияние такие факторы, как нарушение «общественного договора» между правящей элитой и населением в период

* Сейидли Салех Агил оглы, аспирант кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: saleh6064@gmail.com

неолиберальных реформ, поддержка «внешней родины» – Турции, использовавшей потенциал племен для создания зоны безопасности, а также сохранившиеся у туркоман механизмы племенной солидарности и самоуправления, которые позволили им частично реализовать проект широкой культурной автономии на севере страны.

Ключевые слова: сирийские туркоманы; сирийский кризис; османские институты; арабское государство; арабский национализм; этноконфессиональные меньшинства; пантюркизм.

Для цитирования: Сейидли С.А. Формирование политической субъектности сирийских туркоман в рамках постимперского национального государства // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 258–276. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.12>

Рост этноконфессиональной нетерпимости на Арабском Востоке (так называемый новый сектарианизм¹) приобрел черты устойчивого тренда после падения режима Саддама Хусейна в Ираке (2003) и последовавших событий: распада центральной власти, дискриминации арабов-суннитов в ходе политики дебаасификации и подъема ИГ(ИЛ)². Этот процесс был ускорен «арабской весной» и ярче всего проявился в Сирии, где межобщинные конфликты, сопряженные с поддержкой внешних сил, продолжают до настоящего времени.

Между тем до 2000-х годов большинство арабских элит поддерживали инклюзивный националистический дискурс и избегали инструментализации общинных идентичностей [Yuman, 2014, p. 79], опираясь на межрелигиозные коалиции среднего и низшего классов [Hinnebusch, 2020, p. 146]. В Сирии система устойчивых связей между центром и общинами поддерживалась также исторически сложившейся системой коммуникации между Дамаском и периферией (региональными и городскими элитами, главами общин) [Козинцев, 2018].

¹ К настоящему времени термин «новый сектарианизм» закрепился в научном дискурсе; например, С. Бельхадж и Л.Р. де Эльвира Карраскал понимают под ним политизацию коллективных идентичностей не только на этнической и религиозной, но и на клановой, племенной и / или семейной основе [Belhaj, de Elvira Carrascal, 2018, p. 330–331].

² Организация признана террористической и запрещена на территории России.

Почему же в Сирии, где этноконфессиональная структура населения существенно не изменялась в течение десятилетий, внезапно произошла столь масштабная и интенсивная политизация общинных идентичностей? Логично предположить, что она была вызвана не просто особо неблагоприятным стечением обстоятельств, но стала результатом длительного процесса ослабления государственной состоятельности и в территориальном, и в функциональном аспектах. Проверка этого предположения требует обращения к генезису и более ранним этапам развития сирийского государства и будет основана на исследованиях, посвященных особенностям имперских пространств [Barkey, 2008; Barkey, Gavrilis, 2016; Karpat, 2001; Tilly, 1997; Мелешкина, 2013] и государственному строительству на Ближнем Востоке [Barkey, Hagen, 1997; Hinnebusch, 2011; Lust, 2011; Ближний Восток..., 2020; Кудряшова, Козинцев, 2021; Наумкин, 2019; Кузнецов, 2018].

В качестве конкретного случая политизации этноконфессиональных сообществ будут рассмотрены сирийские туркоманы, которые представляют интерес как часть не только сирийского общества, но и постосманского мира: большинство туркоманских политических и культурных организаций заявляют о глубоких исторических и культурных связях с Турцией¹. Для анализа формирования их политической субъектности будет использован «треугольник Брубейкера» [Brubaker, 2009], который предполагает анализ национализма «разделенных меньшинств» во взаимосвязи с политикой «национализирующего государства» (*nationalizing state*) и «внешней родины» (*external national homeland*).

Имперский фактор и государственное строительство

Рассматривая современные политические конфликты в арабских странах, исследователи часто упускают из виду османское прошлое, или оценивают его как период упадка. Однако империя включала в себя арабский мир (с некоторыми исключениями, как Марокко) в течение четырех веков и не могла не оставить отпечатка на его политико-культурных традициях. По мнению Н. Айюби,

¹ Suriye Türkleri / 21 yüzyıl Türkiye enstitüsü. – 2015. – 4 Aralık. – Mode of access: <https://21yzyte.org/tr/suriye/suriye-turkleri-2> (accessed: 11.08.2021.)

образование государств на Арабском Востоке было результатом не столько внутреннего интегративного процесса (социально-культурной интеграции, постепенно движущейся к политической централизации, правовой стандартизации, равенству гражданских прав и суверенитету народа), сколько результатом навязанного извне процесса дезинтеграции империи [Ayubi, 2008, p. 66].

Разработка динамичной системы регулирования социокультурного плюрализма относится к безусловным достижениям Порты в сфере организации и администрирования. В системе управления арабскими провинциями Машрика¹ Османы опирались главным образом на городские суннитские элиты [op. cit., p. 109]. Признавая плюралистическую природу общества, они стремились подчинить меньшие сообщества (племенные, этнические или религиозные, будь то деревни, городские кварталы или гильдии / ордена) доминирующему суннитскому [Karpat, 1988, p. 39]. Центрам провинций делегировалось управление «негородским» местным населением в пределах административной единицы, и оно осуществлялось при опоре на исторически сложившиеся практики [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 149].

Многие управленческие функции, связанные с религиозными меньшинствами, были делегированы их духовным лицам. В середине второй половины XV в. вслед за расширением империи в ней возникла система *миллетов*: были учреждены христианский православный, армянский и иудейский миллеты со своими правовыми системами и институциональной сетью для религиозных, общественных и образовательных дел. Они представляли собой структурные единицы, следовавшие этническим или конфессиональным линиям² и обладавшие высокой степенью автономии. Такая система обеспечивала их лояльность султану.

Современную форму территориальной автономии напоминали отношения центра с глубокой периферией – труднодоступными областями или зонами приграничья, отношения с которыми строились на неформальных договоренностях и зачастую признании особых прав (как, например, милиций курдов).

¹ Машрик – историческое название восточной части арабского мира (Ирак, Сирия, Иордания, Палестина, Ливан, иногда – Египет).

² К концу XIX в. крупные миллеты включали в себя ряд более мелких; их общее число достигало девяти.

Европейским империям, постепенно вытеснявшим османский центр из пространства Машрика, арабские государства обременены другой своей чертой – произвольным характером границ. В начале XIX в. регион был организован в четыре османские провинции, каждая из которых включала в себя крупный город: Дамаск, Алеппо, Триполи и Акру; позднее Иерусалим стал центром нового санджака, а Бейрут был преобразован в отдельный вилайет.

Разделение Великой Сирии стало, главным образом, результатом колониальной политики Великобритании и Франции. Соглашение Сайкса – Пико 1916 г. отделило от нее Ливан, Иорданию и Палестину, а Декларация Бальфура 1917 г. привела к превращению Палестины в еврейское государство. Наиболее искусственной с точки зрения своего создания была Иордания.

Оказавшись под французским мандатом, сирийское государство вобрало в себя то, что осталось от Великой Сирии. Его территория была несвязанной, что привело к появлению дальнейших планов ее раздела (на Дамаск, Алеппо, Джебель Друз и государство алавитов). При отсутствии сирийской протонации распространение имели паннациональные (панарабизм, панисламизм) и субнациональные (субрегиональные) идентичности [Karpat, 1988, p. 116]. В этих условиях французским властям приходилось формировать легитимность нового государства путем манипулирования унаследованными идентичностями или изменения и «разбавления» их. В частности, арабский национализм (90% сирийцев были арабоязычными) уравновешивался поддержкой этнических и религиозных меньшинств [Hinnebusch, 2020, p. 142]. Племена до середины XX в. обеспечивали связи между отдельными регионами [Козинцев, 2018, с. 226].

Национальное строительство в Сирии

Учитывая задачу исследования, логично рассмотреть фазы сирийского национального строительства в ракурсе «государственный национализм – общинные идентичности». На первом этапе формирования независимого сирийского государства (1946–1963) сирийский национализм имел выраженную панарабскую и антиимпериалистическую направленность, что объясняется как французской политикой по разделению Великой Сирии, так и созданием

Израиля и первой неудачной арабо-израильской войной. Старая национальная элита, объединявшая крупную буржуазию и землевладельцев, была малоэффективна в области институционализации и централизации власти, но не препятствовала присутствию в парламенте представителей меньшинств. Вместе с тем их главные оппоненты – партии «среднего класса» (интеллигенции, мелкой буржуазии и отчасти рабочих и крестьян) требовали широких социально-экономических реформ, включая аграрную, и перешли к политике массовой мобилизации [История Востока, 2008, с. 197–198]. Классовая политика с антиимпериалистической составляющей подчиняла себе этноконфессиональные идентичности. Наиболее успешной из этих партий стала Баас.

Следующий этап (1963–2000) связан с укреплением власти Баас. В ходе внутривластной борьбы, связанной с ее самороспуском перед объединением с Египтом (1958–1961), соперничающие группировки искали поддержки меньшинств, но сами эти меньшинства (алавиты и друзы) оказались наиболее приспособленными к инструментализации внутриобщинных связей. Численность представителей меньшинств в аппарате партии, государственной бюрократии, армии и спецслужбах стала расти. По мнению Р. Хиннебуша, при Хафезе Асаде (алавите) баасистский режим был институционализирован «в качестве популистской версии неопатримониализма, который инструментально использовал множество идентичностей, опираясь на членов алавитской общины во власти и одновременно создавая инклюзивные институты и продвигая арабскую национальную идентичность» [Hinnebusch, 2020, p. 149]. Последнюю поддерживали войны с Израилем и оккупация Голанских высот. По внешнеполитическим и идеологическим причинам огромную помощь Сирии, продвигавшейся по пути «социалистической ориентации», оказывал СССР.

После смерти Асада-старшего в 2000 г. правящая элита во главе с Башаром Асадом была вынуждена изменить политический курс в связи с нехваткой ресурсов для поддержания прежней системы патронажно-клиентельных связей и требованиями социально-экономических и политических реформ со стороны общества. На этом этапе (2000–2010) новый лидер начал смену «старой гвардии» в госаппарате и армии, стимулировал обновление депутатского корпуса, расширил представительство регионов с высокой долей племен в составе населения, предпринял шаги по корректи-

ровке этноконфессионального баланса во властных структурах и осуществил меры для либерализации экономики и привлечения инвестиций. Однако потеря старых суннитских клиентов, выход на рынок «кланового капитализма», рост коррупции, сокращение государственных социальных обязательств и субсидий, как и региональных трансфертов, привели к значительному сокращению базы поддержки режима и дали возможность обвинять его в этноконфессиональной дискриминации [Козинцев, 2018, с. 228–229].

Гражданский конфликт в 2011 г. начинался как мирный социальный и политический протест, во главе которого стояла светски ориентированная городская молодежь, выступавшая за «свободную демократическую Сирию». Однако вскоре он приобрел иное измерение. Инструментализация властью этноконфессиональных идентичностей отвечала двум целям: с одной стороны, она должна была консолидировать национальную, региональную и международную поддержку режима, который позиционировал себя в качестве борца с суннитским терроризмом. С другой стороны, ослабить оппозицию путем ее фрагментации и разубедить меньшинства участвовать в антирежимных выступлениях. Усиливая политику идентичности, правящая элита преуспела в подрыве претензии оппозиции на легитимность: протестующие больше не могли претендовать на то, что являются единым национальным движением. Длительное течение конфликта и слабость центральной власти укрепили роль локальных сообществ как центров безопасности и жизнеобеспечения [Кудряшова, 2021].

Формирование политической субъектности сирийских туркоман: меньшинство и «национализирующее государство»

Туркоманы, третья по численности этническая группа страны, являются потомками тюркских переселенцев, прибывших на территорию современной Сирии во время правления Сельджуков, Мамлюков и Османов. Как и большинство сирийцев (74%), они исповедуют суннитскую версию ислама. Их общины проживают в основном в районах, непосредственно граничащих с Турцией, а также в крупнейших городах страны (Алеппо, Дамаск, Хомс). Большинство лингвистов считают говор туркоман диалектом турецкого языка.

Согласно докладом ООН и ряда международных неправительственных правозащитных организаций, права туркоман как этнического меньшинства нарушались: они подвергались систематической дискриминации со стороны нескольких сирийских правительств¹. Присутствие представителей туркоманского сообщества в политической и военной элитах Сирии не привело к общему улучшению их положения. Ввиду политических ограничений, наложенных правительством при Асаде-старшем и его сыне, туркоманские политические партии и организации не имели официального статуса, действовали подпольно или за границей, а также не обладали ресурсами для эффективной организации своей деятельности внутри страны.

Как и многие другие социальные группы, туркоманы были недовольны своим социально-экономическим положением в 2000-е годы. Инфляция, рост безработицы среди молодежи, неэффективная земельная реформа, голод в сельских районах Сирии, высокий уровень коррупции, низкий ВВП на душу населения вместе с политическими и культурными ограничениями привели к усилению оппозиционных настроений среди членов этого сообщества². С эскалацией сирийского конфликта в марте 2011 г. и потерей правительством власти в целом ряде регионов страны, а также благодаря усилению международного внимания к сирийской проблеме, многие ранее маргинализованные группы (в том числе туркоманы) получили возможность действовать открыто.

Летом 2011 г. в Турции были сформированы две сирийские туркоманские партии: Сирийское туркоманское демократическое движение и Сирийский туркоманский блок. Несмотря на разногласия и даже соперничество между ними, в марте 2013 г. при посредничестве Турции они сформировали Сирийскую туркоманскую ассамблею (СТА), которая состояла из 400 делегатов, представлявших разные районы Сирии с преобладанием туркоман.

¹ *Orhan O., Duman B., Öztürkmen A.* Suriye'de değişimin ortaya çıkardığı toplum: Suriye Türkmenleri // ORSAM. – 2011. – N 14. – Mode of access: https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/Analiz_83_tr.pdf (accessed: 17.10.2021).

² *Kirişçioğlu F.* Suriye'de İç savaşı sürerken Suriye Türkmenleri / 21 Yüz yıl Türkiye enstitüsü. Suriye'de iç savaşı sürerken Suriye Türkmenleri // 21 Yüz yıl Türkiye enstitüsü. – 2013. – N 1. – Mode of access: https://www.21yyte.org/assets/uploads/files/suriye-turkmenleri-rapor-son-pdf_14032013.pdf (accessed: 1.10.2021).

В дальнейшем число партий внутри СТА увеличилось¹. Целью организации являлось участие в политических структурах и институтах сирийской оппозиции для эффективного представления интересов туркоман как в Сирии, так и на международной арене.

В 2014 г. СТА сформулировала свою политическую позицию в манифесте «Видение сирийского туркоманского движения», который затрагивает как организационные вопросы деятельности этой политической организации, так и ее основные требования к власти. В частности, СТА²:

– придерживается идеи «Новой Сирии», т.е. превращения Сирии в демократическое государство с реальным разделением властей и прозрачной системой правосудия;

– выступает за территориальную целостность Сирии;

– считает, что в сирийскую конституцию должен быть включен принцип «мирного сосуществования» этнических групп Сирии;

– выступает против любой формы дискриминации, против ущемления прав сирийцев на этнической, религиозной, конфессиональной, классовой, идеологической или любой другой основе;

– полагает, что конституция должна гарантировать культурные права этнических и религиозных групп Сирии;

– отвергает конституционный порядок, при котором преобладает любая религиозная или субрелигиозная группа;

– требует принятия светской конституции, которая будет соответствовать современным международным нормам.

Эти положения показывают, что политический нарратив и идеология туркоманского движения построены в противовес официальной идеологии правящей партии Баас. Туркоманские политические партии считают сирийский режим авторитарным и поэтому заявляют о преданности демократическим принципам не только в гипотетическом будущем, но и в настоящем, т.е. в период конфликта (что выражается в проведении выборов на основные позиции внутри политического альянса). Говоря о территориаль-

¹ *Oytun O.* Syrian Turkmens: political movements and military structure // ORSAM. – 2013. – N 22. – Mode of access: https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf (accessed: 1.10.2021).

² *Mustafa A.* Suriye'de turkiye'de Türkmen gerçeği // ORSAM. – 2015. – N 27.

ной целостности Сирии, СТА имеет в виду международно признанные границы Сирии (т.е. без провинции Хатай¹).

Пункт о «мирном сосуществовании» является отсылкой к идее «демократического конфедерализма» Абдуллы Оджалана, поддержанной Сирийскими демократическими силами (СДС)². Но туркоманы выступают против любой формы федерализации Сирии и считают, что мирное сосуществование народов возможно без оформления административных единиц, базирующихся на этнической основе. По мнению СТА, сирийцы – не арабская (как определено действующей конституцией), а полиэтничная гражданская нация.

СТА и туркоманские правозащитные организации обвиняют правительство Асада в системной дискриминации меньшинств, поэтому сразу в нескольких пунктах выдвигается требование новой конституции, где будет признано существование в стране этнических меньшинств и закреплена защита их культурных прав.

Последний пункт документа также содержит критику режима. В действующей конституции 2012 г. присутствует принцип свободы вероисповедания (ст. 42), но религией президента страны должен быть ислам (ст. 3). Туркоманы требуют не только конституционно закрепить принцип светского государства, но и исключить доминирование любой религиозной группы (имея в виду доминирование алавитской общины в правящей элите).

После образования объединения, способного представлять интересы сирийских туркоман на политической арене, туркоманские активисты стали чаще участвовать в политических организациях оппозиции. Они принимали участие в деятельности Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС)³, органах альтернативного Сирийского переходного правительства, а также в переговорах Женевского и Астанин-

¹ После распада Османской империи Хатай (санджак Александретта) стал частью подмандатной Сирии, в 1930-х годах получил автономию и затем вошел в состав Турции; вопрос о принадлежности Хатая вновь возник в Сирии в ходе гражданской войны.

² Сирийские демократические силы – военный альянс, ядро которого составляют курдские отряды самообороны, действующие на севере Сирии; в альянсе участвуют ассирийские и туркоманские подразделения.

³ НКСРОС – коалиция сирийских оппозиционных групп разного толка, созданная в 2012 г. в Катаре с целью свержения президента Б. Асада.

ского форматов и работе Конституционного комитета^{1, 2}. Дважды главой НКСРОС избирались политики-туркоманы: в 2015 г. – Халид Ходжа³, в 2018 г. – Абдурахман Мустафа⁴.

Параллельно с формированием политических структур туркоманы организовали вооруженные подразделения⁵, которые непосредственно участвуют в боевых действиях против правительственных сил⁶. Также туркоманы присутствуют в рядовом составе и руководстве преимущественно арабских и курдских вооруженных групп⁷. По оценкам, общая численность туркоманских подразделений насчитывает 15 тыс. бойцов⁸. Формально они включены в Объединённую туркоманскую армию⁹, однако реально действуют независимо друг от друга.

Тем не менее все эти организации признают СТА в качестве своего законного представителя и характеризуют себя как ее воен-

¹ Сирийский конституционный комитет – поддерживаемый ООН формат встреч представителей правительства и оппозиции по конституционной реформе.

² Opposition delegation at the Constitutional Committee // Suriye gündemi. – Mode of access: <http://en.suriyegundemi.com/2019/11/04/opposition-delegation-at-the-constitutional-committee/opposition-delegation-at-the-constitutional-committee/> (accessed: 05.08.2021).

³ Profile: Khaled Khoja, Syria opposition chief // BBC. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-30699657> (accessed: 05.08.2021).

⁴ Suriye Türkmen meclisi üye listesi // Suriye gündemi. – Mode of access: <http://www.suriyegundemi.com/2018/04/26/turkmen/> (accessed: 05.08.2021).

⁵ На данный момент это: «Бригада султана Мурада», «Бригада аль-Хамза», «Бригада Мунтасира Биллаха», «Бригада Мехмета Завоевателя», «Бригада Абдулхамиды Хана», «Вторая береговая бригада», «Бригада османского возрождения». Обращает на себя внимание тот факт, что большинство бригад имеют названия, связанные с османской эпохой.

⁶ Acun A., Kutluhan G. Suriye krizinde göz ardı edilen aktör: Türkmenler // SETA. – 2018. – N 224. – Mode of access: <https://setav.org/assets/uploads/2019/01/224.Perspektif-Suriye-Tu%CC%88rkmenleri.pdf> (accessed: 05.08.2021).

⁷ Türkiye'nin desteklediği ve Fırat'ın doğusuna yönelik olası bir operasyonda yer alacak yapılanma: Milli ordu // Suriye gündemi. – Mode of access: <https://www.suriyegundemi.com/turkiye-nin-destekledigi-ve-firat-in-dogusuna-yonelik-olasi-bir-operasyonda-yer-alacak-yapilanma-milli-ordu> (accessed: 03.08.2021).

⁸ Acun A., Kutluhan G. Op. cit.

⁹ Turkey, Syrian Turkmen team up to form United Turkmen Army // Yeni safak. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/news/turkey%2c-syrian-turkmen-team-up-to-form-united-turkmen-army-2207584> (accessed: 02.08.2021).

ное крыло¹. Это имеет немаловажное значение, учитывая, что в ходе сирийского конфликта многие вооруженные группы отказывались признавать легитимность политических организаций, принимавших участие в межсирийских переговорах².

Анализ участия туркоман в сирийском конфликте позволяет отнести их к тому классу национальных меньшинств, о которых пишет Ф. Брубейкер. По его мнению, национальное меньшинство – это не просто демографическая группа, а определенная политическая позиция, которую формируют три элемента: во-первых, убежденность членов этого меньшинства в существовании своей этнокультурной общины, которая отлична от большинства; во-вторых, обращенное к государству требование признать свой отдельный статус; в-третьих, требование этнокультурных прав на основе этого статуса [Brubaker, 2009, p. 112]. Все эти признаки у сирийских туркоман присутствуют: они заявляют о себе в качестве отдельной от арабов и курдов этнической группы, требуют официального признания от сирийского правительства и предоставления им на этом основании культурной автономии.

Формирование политической субъектности сирийских туркоман: меньшинство и «внешняя родина»

Важной для формирования политической субъектности сирийских туркоман является роль Турции («внешней родины»). Турция оказывала финансовую и дипломатическую поддержку туркоманским партиям, а также предоставила свою территорию для организации съездов туркоманских политических организаций и формирования единого альянса. Финансовая и военная поддержка предоставляется туркоманским вооруженным отрядам, их бойцы проходят обучение в лагерях, организованных турецкой армией.

Турция предпринимала попытки защитить интересы туркоман и на внешней арене. Самым ярким примером являются собы-

¹ Oytun O. Syrian Turkmens: political movements and military structure // ORSAM. – 2013. – N 22. – Mode of access: https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf (accessed: 1.10.2021).

² Lister C. Profiling Jabhat al-Nusra. Analysis paper // Brookings Institution. – 2016. – Mode of access: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/iwr_20160728_profiling_nusra.pdf (accessed: 12.08.2021).

тия ноября 2015 г., когда на севере Латакии, где базировалась туркоманская «Вторая береговая бригада»¹, ВВС Турции сбили российский бомбардировщик, а один из пилотов при катапультировании был застрелен бойцами этой бригады. Инцидент привел к кризису в российско-турецких отношениях, который удалось урегулировать только к 2016 г.

По мере возрастающей политической и военной вовлеченности Турции в сирийский конфликт туркоманы начали играть большую роль на сирийском направлении ее внешней политики. Туркоманские формирования вместе с другими отрядами вооруженной оппозиции принимали участие в турецких операциях «Щит Евфрата» (2016–2017), «Оливковая ветвь» (2018), «Источник мира» (2019), «Весенний щит» (2020). Целью этих операций было устранение ИГ (ИЛ), недопущения создания курдской автономии в северных регионах Сирии и противодействие сирийским вооруженным силам, что отвечало интересам туркоманского меньшинства.

В 2019 г. все туркоманские вооруженные формирования стали частью так называемой Сирийской национальной армии (СНА) – альянса крупнейших оппозиционных вооруженных группировок Сирии, созданного при поддержке Турции и тесно сотрудничающего с ее вооруженными силами.

В общей сложности СНА и Турция контролируют территорию площадью 8835 тыс. км² на севере Сирии, которая объявлена сирийской зоной безопасности. В этом районе расположены более тысячи различного рода поселений, значительная часть которых имеет туркоманское демографическое большинство². Де-факто эта территория администрируется альтернативным Временным правительством Сирии. В зоне безопасности созданы районные советы, которые выполняют функции местных органов власти и в которых наряду с арабами и курдами присутствуют туркоманы. Турецкий

¹ Russian raids repeatedly hit Syrian Turkmen areas, Moscow's data shows // Reuters. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-russia-turkey-airstrik/russian-raids-repeatedly-hit-syrian-turkmen-areas-moscows-data-shows-idUSKBN0TG1YQ20151128> (accessed: 02.08.2021).

² From Afrin to Jarabulus: A small replica of Turkey in the north // Enab Baladi investigation team. – 2018. – Mode of access: <https://english.enabbaladi.net/archives/2018/08/from-afrin-to-jarabulus-a-small-replica-of-turkey-in-the-north> (accessed: 03.08.2021).

(наряду с арабским и курдским) является языком деятельности местных администраций, а также широко используется в образовательных программах в учебных заведениях. Он также является одним из языков СМИ, разного рода культурных объединений и вооруженных формирований¹. По сути, туркоманам удалось добиться культурной автономии – статуса, которого они требовали с самого начала конфликта. Она не признана действующим правительством Сирии, но рассматривается туркоманскими организациями как промежуточный успех.

Как отмечает Ф. Брубейкер, «внешние родины» – это государства, в которых понятие национальности выходит за рамки международно признанных границ и гражданства. Такой подход обязывает их защищать интересы своих условных соотечественников, которые оказались вне границ национального государства. Поведение Турции отвечает этой рамке: она видит в туркоманах как бы соотечественников, культурную связь с которыми нужно сохранить, а в настоящий момент, в условиях гражданской войны в Сирии, – защитить.

Несмотря на то что большинство туркоманского населения Сирии поддерживает политические партии, входящие в СТА, не все туркоманы выбрали в этом конфликте сторону оппозиции². Так, правительство Башара Асада пользуется популярностью среди туркоман-алавитов, проживающих в Латакии. Более того, на момент начала конфликта одним из самых высокопоставленных политиков сирийской Баас был военный служащий туркоманского происхождения – бывший министр обороны Хасан ат-Туркмени (погиб в результате теракта в июле 2012 г.).

Среди сирийских туркоман есть силы, которые не поддерживают усилия Турции по формированию единого туркоманского альянса и зоны безопасности на севере Сирии. Сформированная в 2013 г. туркоманская вооруженная группа «Бригада сельджуков» предпочла вступить в СДС, ведущих борьбу за курдскую автономию в том же регионе. В 2015 г. ее глава и официальный предста-

¹ From Afrin to Jarabulus: A small replica of Turkey in the north // Enab Baladi investigation team. – 2018. – Mode of access: <https://english.enabbaladi.net/archives/2018/08/from-afrin-to-jarabulus-a-small-replica-of-turkey-in-the-north> (accessed: 03.08.2021).

² Heras N.A. Syrian Turkmen join opposition forces in pursuit of a new Syrian identity // Terrorism Monitor Volume. – 2013. – N 11 (11).

витель СДС Талал Сило заявил, что «туркоманы – это сирийцы, а не турки»¹. Однако уже в 2017 г. он покинул ряды организации и обвинил СДС в этнических чистках арабов и туркоман². Тем не менее это подразделение, хотя и ослабленное потерями, продолжает действовать. Ряд туркоман примкнули к террористическим организациям; самым ярким примером является Абдулрахман аль-Кадули, который был губернатором ИГ(ИЛ) в Сирии. Таким образом, в структуре идентичности даже видимо монолитной группы могут присутствовать разные сочетания этнического, религиозного и регионального компонентов, что приводит к разделению политических лояльностей.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что на формирование политической субъектности сирийского туркоманского сообщества оказали влияние два основных фактора. Во-первых, это политика «национализирующего государства», которое, как пишет Р. Брубейкер, является нереализованным национальным государством и для своей реализации продвигает и распространяет культуру и язык этнического большинства, в том числе с помощью силы [Brubaker, 2009, p. 9]. Официальная идеология арабского национализма была менее чувствительна для меньшинств, когда правящая партия сочетала его с «общественным договором», согласно которому политическая лояльность обменивалась на меры социальной защиты граждан независимо от их общинной принадлежности. Огромную роль в обеспечении этого договора сыграла помощь социалистических государств, прежде всего СССР, обусловленная необходимостью поддержки национально-освободительных движений «в борьбе с империализмом и сионизмом на Ближнем Востоке».

После окончания холодной войны правящая элита, столкнувшись с сокращением ресурсов для патронажа, была вынуждена

¹ QSD Turkmen commander: “Turkmens are Syrians, not Turks” // YouTube. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=TIGLL4FklhM> (accessed: 02.08.2021).

² US-backed SDF spox Talal Sillo defects from PKK-aligned group, crosses into Turkey // Daily sabah. – Mode of access: <https://www.dailysabah.com/politics/2017/11/15/us-backed-sdf-spox-talal-sillo-defects-from-pkk-aligned-group-crosses-into-turkey> (accessed: 03.08.2021).

перейти к неолиберальной политике, что в условиях закрытой политической системы обернулось сворачиванием социальных программ, ростом «кланового капитализма» и коррупции и переориентацией на западные страны. Снижение уровня жизни малообеспеченных слоев и фактическое «рассеивание» арабского национализма привели к тому, что государство оказалось неспособным даже к продолжению национализирующей политики и утратило поддержку этноконфессиональных общин.

Во-вторых, это поддержка «внешней родины» – Турции. В условиях неконсолидированных границ стран постимперского пространства большинство туркоман сохранили и тюркскую, и племенную, и имперскую идентичность (о последней свидетельствуют названия их вооруженных подразделений). В ходе сирийского конфликта Турция, как когда-то Порта, использовала потенциал племен периферии для создания зоны безопасности на сирийском направлении. Одновременно оказываемая ею помощь позволила туркоманам частично реализовать проект широкой культурной автономии, опирающийся на сохранившиеся механизмы солидарности. В настоящий период представители этой общины участвуют в работе Конституционного комитета и имеют свое видение конституционной реформы, выступая за демократизацию политической системы и признание культурных прав этноконфессиональных общин.

S.A. Seyidli*

**The Syrian Turkmen actorness in the framework
of a post-imperial nation-state**

Abstract. The article focuses on the issue of minorities political actorness during the current armed conflict in Syria. The author speculates on why a country where the ethno-confessional structure of the population has not changed significantly for decades, suddenly faced an intensive politicization of communal identities. The tested hypothesis is that this has emerged from a long process of the state capacities weakening both in the territorial and functional aspects. In this context, the author studies the community of Syrian Turkmen, the third largest ethnocultural group in the country. The selection of this case was guided not only by a lack of relevant in-depth

* **Saleh Seyidli**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: saleh6064@gmail.com

studies, but also by the group's self-identification as a part of the Turkic (Ottoman) world. The application of “Brubaker's triangle” as an analytical tool made it possible to view the nationalism of such minorities in relation to the policies of the “nationalizing state” and “external national homeland”. The study involves analysis of (a) the system of regulation of socio-cultural pluralism in the Ottoman Empire, (b) the peculiarities of state- and nation-building in Syria and (c) the process of Turkmen community politicization during the civil conflict. It is concluded that its political actorness was formed due to such factors as violation of the “social contract” between the ruling elite and the population during the period of neoliberal reforms, the “external homeland” (Turkey's) support, as well as the persistence of mechanisms of tribal solidarity and self-government among the Turkmen, which allowed them to partially implement the project of cultural autonomy in Northern Syria.

Keywords: Syrian Turkmen; Syrian crisis; Ottoman institutions; Arab state; Arab nationalism; ethno-confessional minorities; Pan-Turkism.

For citation: Seyidli S.A. The Syrian Turkmen actorness in the framework of a post-imperial nation-state. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 258–276. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.12>

References

- Ayubi N.N. *Over-stating the Arab state: politics and society in the Middle East*. London, New York: I.B. Tauris, 2008, 514 p.
- Barkey K., Hagen M. von (eds). *After empire. Multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empire*. Boulder: Westview press, 1997, 211 p.
- Barkey K. *Empire of difference: the Ottomans in comparative perspective*. New York: Cambridge univ. press, 2008, 342 p.
- Barkey K., Gavrilis G. The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy. *Ethnopolitic*. 2016, Vol. 15, N 1, P. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- Belhaj S., de Elvira Carrascal L.R. Sectarianism and civil conflict in Syria: reconfigurations of a reluctant issue. In: Kraetzschmar H., Rivetti P. (eds). *Islamists and the politics of the Arab uprisings: governance, pluralisation and contention*. Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2018, P. 322–340.
- Belokrenitsky V.Y., Naumkin V.Y. (eds). *History of the East: Vol. 6: The East in the modern period (1945–2000)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008, 1095 p. (In Russ.)
- Brubaker R. *Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009, 220 p.
- Byman D. Sectarianism afflicts the New Middle East. *Survival*. 2014, Vol. 56, N 1, P. 79–100. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2014.882157>
- Hinnebusch R. Empire and state formation contrary tangents in Jordan and Syria. In: Cummings S.N., Hinnebusch R. (eds). *Sovereignty after empire: comparing the Middle East and Central Asia*. Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2011, P. 262–280. DOI: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748643042.003.0012>

- Hinnebusch R. Identity and state formation in multi-sectarian societies: Between nationalism and sectarianism in Syria. *Nations and nationalism*. 2020, Vol. 26, N 1, P. 138–154. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12582>
- Karpat K. The Ottoman ethnic and confessional legacy in the Middle East. In: Esman M.J., Rabinovich I. (eds). *Ethnicity, pluralism, and the state in the Middle East*. Ithaca, London: Cornell univ. press, 1988, P. 35–53.
- Karpat K. *The politicization of Islam: reconstructing identity, state, faith, and community in the late Ottoman state*. New York: Oxford univ. press, 2001, 544 p.
- Kozintsev A.S. A fight for the state: Syrian crisis through the lens of center-periphery relations. *Political science (RU)*. 2018, N 4, P. 223–240. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Kudryashova I.V. Militant sectarianism and the nation-state in the region of the Middle East and North Africa: on the methodology of researching new conflicts. In: Shibanova N.A. (ed.). *Management of regional conflicts in the context of digitalization of modern society: methodology and implementation practices*. Kazan: Kazan univ. publishing house, 2021, P. 223–231. (In Russ.)
- Kuznetsov V.A. Strengthening of statehood in the Middle East in the context of the theory of the social orders. *Vostok (Oriens)*. 2018, N 3, P. 6–23. DOI 10.7868/S0869190818030019 (In Russ.)
- Lust E. Institutions and governance. In: Lust E. (ed.). *The Middle East*. Washington, DC: CQ press, 2011, 12th edition, P. 143–192.
- Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: peculiarities of state and nation-building. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 10–29. (In Russ.)
- Naumkin V.V. Right-sizing and right-peopling: the Middle East challenges. *Polis. Political studies*. 2019, N 6, P. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06> (In Russ.)
- Tilly Ch. How empires end. In: Barkey K., Hagen M. von. (eds). *After empire. Multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, CO: Westview press, 1997, P. 1–11.
- Zvyagelskaya I.D. (ed.). *The Middle East: politics and identity*. Moscow: Aspect Press, 2020, 336 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ближний Восток: политика и идентичность / А.С. Богачева [и др.]; под ред. И.Д. Звягельской. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 336 с.
- История Востока: Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000) / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – М.: Восточная литература, 2008. – 1095 с.
- Козинцев А.С. Борьба за государство: сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 223–240. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11>

- Кудряшова И.В.* Воинственный сектарианизм и национальное государство в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: о методологии исследования новых конфликтов // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – С. 223–231.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С.* Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>
- Кузнецов В.А.* Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток (Oriens). – 2018. – № 3. – С. 6–23. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869190818030019>
- Мелешкина Е.Ю.* Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Наумкин В.В.* Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 67–80. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06>